

© 2009 г. С.Т. ЗОЛЯН

О СТИЛЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: Р.О. ЯКОБСОН И В.В. ВИНОГРАДОВ О ПОЭТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА

Под стилем лингвистической теории мы понимаем особенности рассмотрения языковых объектов и исследовательского инструментария. Различие в стилях даже при значительной концептуальной близости может привести к несовместимости теорий. Рассмотрение позиций различий между концепциями поэтического языка (речи) Романа Jakobsona и Виктора Виноградова демонстрирует, что, несмотря на многочисленные точки соприкосновения и сходство исходных концептуальных позиций, разница стилей – синтетического у Виноградова, аналитического у Jakobsona, – с неизбежностью приводит к столкновению подходов. Системный (структурный) подход для Jakobsona – это путь абстрагирования и выделения неких «чистых» абстрактных сущностей. Напротив, Виноградов, постоянно говоря о «структурах», понимает под ними все более укрупняемые «единоцелостные» образования – вплоть до «литературного направления взятого во всей полноте его признаков».

Говоря о стиле лингвистической теории, мы имеем в виду не характер языкового оформления и не возможность различными способами выразить некоторое общее содержание, а особенности концептуального подхода к изучаемому объекту. Так можно говорить о стилях даже в математике – например, различие между такими направлениями, как конструктивизм и интуитивизм, рассматривают как стилистические.

С таких позиций рассмотрим различия между концепциями поэтического языка (речи) таких выдающихся лингвистов, как Роман Jakobson и Виктор Виноградов. Полемика между ними восходит уже к самому началу их научной деятельности и продолжается вплоть до последних публикаций В.В. Виноградова. Казалось бы, близость как между их концепциями, так и основной сферой интересов дает куда больше оснований для сближения, чем противопоставления. Оба они одни из первых в России развивают идеи Соссюра¹, оба исходят из необходимости системного описания языка и, в качестве наиболее показательной сферы, обращаются к поэтической речи. Организационно оба примыкают к методологически близким лингво-поэтическим кружкам – Роман Jakobson к московскому, Виктор Виноградов – к петербургскому. Наконец, несмотря на все критические замечания Виноградова (1922 г.) в адрес формалистов и других «сторонников футуристической эстетики, стремящейся, как к пределу, к заумной речи» (цит. по [Виноградов 1976: 463–464]), и официоз, и наиболее проницательные из современников (круг Бахтина) считали его наиболее серьезным и потому куда более «опасным» из лингвоформалистов². И вме-

¹ Заметим, что уже к концу двадцатых это стало далеко не безопасным и могло вызвать по сути политическое обвинение: «...Этот методологический грех усугубляется еще и тем, что лингвистический базис, на который опирается В.В. Виноградов, является насквозь пронизанным инфлюксами индо-европейского, ныне глубоко реакционного, мышления в его наиболее формалистической разновидности (Соссюр и его школа)» [Волошинов 1930: 207].

² Почему и Бахтин–Волошинов сочли возможным ограничить свой анализ формально-лингвистического метода в поэтике исключительно взглядами В.В. Виноградова. Ср.: «Ряд вопросов, связанный с установлением сферы компетенции лингвистического метода в поэтике, мы должны сузить до критического рассмотрения общеметодологической позиции лишь одного автора – правда, являющегося наиболее характерным представителем формально-лингвистического метода в поэтике» [Волошинов 1930: 204].

сте с тем, несмотря на многочисленные точки соприкосновения, крайне сложно выделить некоторую теорию, некий общий подход, что без труда – при всех существующих разногласиях между ними – можно сделать при сопоставлении работ, скажем, Якобсона и Тынянова, Якобсона и Шкловского, даже Тынянова и Винокура (упоминаем только тех, кого можно причислить к сознательным соссюрианцам).

Нам кажется, что эта постоянная полемичность объясняется разницей стилей мышления – синтетического у Виноградова, аналитического у Якобсона. И поэтому сходство как исходных концептуальных позиций, так и сферы изучения с неизбежностью приводит к столкновению подходов. Так, оба основываются на идеях «Курса общей лингвистики», во главу угла ставя соссюрское положение о системности языка и его дихотомию языка и речи. Но в результате приложения этих теорий ими выделяются диаметрально противоположные лингвистические объекты (единицы языка). У Р. Якобсона это фонема (в дальнейшем он доводит свой анализ до еще меньшей единицы – различительного признака). Системный (структурный) подход для Якобсона – это путь абстрагирования и выделения неких «чистых» абстрактных сущностей, которые впоследствии именно так и будут названы – «меризмами». Напротив, Виноградов постоянно говорит о «структурах», но под ними он понимает вовсе не «пучок чистых отношений», а все более укрупняемые «единоцелостные» образования – будь то «речевой жанр», типы «сказа», «язык писателя» и даже «литературное направление, взятое во всей полноте его признаков». Вполне логично, что от описания языка произведения («Пиковая дама»), языка писателя (Аввакум, Ахматова, Пушкин), направления (романтический натурализм), речевых жанров (ораторская проза, сказовые и диалогические формы), стилей и т.п. Виноградов приходит к описанию языка в целом – именно как объекта монографического описания: его «Русский язык» – это естественное завершение описаний «единоцелостных структур». В самом деле, поскольку всякий раз Виноградов акцентирует необходимость описания объекта во включающем его контексте, то логическим пределом для любого частного описания должен быть язык в целом. Напротив, для Р. Якобсона характерно абстрагирование от контекста, почему его героем в конечном итоге оказывается минимальный различительный признак – нечто, самостоятельно не выразимое ни в какой субстанции и не имеющее никакой реальности, кроме как в метаязыке. Различие между ними можно проследить вплоть до вкусовых. Якобсон основывается на анализе поэзии Хлебникова с его теориями не только самовитого слова, но и самовитых звуков поэта, от фонетического уровня начинающего восхождение к морфологическому – что было вполне в духе сформулированной позднее Якобсоном и Трубецким фонологической теории. Виноградов же из современных поэтов выбирает Ахматову и ее «символику», причем семантика символа раскрывается Виноградовым через его сочетаемостные, а не парадигматические (тематические и словообразовательные) связи.

По всей видимости, В. Виноградов осознавал эту разницу в подходах. Спустя почти полвека он приводит обширную цитату из «Новейшей русской поэзии» Р. Якобсона [Якобсон 1921], который иронизирует над методом, ставшим для Виноградова к этому времени (1959 г.) определяющим: «Предметом науки о литературе является не *литература*, а *литературность*, то есть то, что делает литературным произведение. Между тем до сих пор историки литературы уподоблялись полиции, которая, имея целью арестовать определенное лицо, захватила б на всякий случай всех и все, что находилось в квартире, а также случайно проходивших по улице мимо. Так и историкам литературы все шло на потребу – быт, психология, поэтика, философия. Вместо науки о литературе создавался конгломерат доморощенных дисциплин. Как бы забывалось, что эти статьи отходят к соответствующим наукам – истории философии, истории культуры, психологии и т.д., и что последние, естественно, могут использовать и литературные памятники как дефектные, второсортные документы. Если наука о литературе хочет стать наукой, она принуждается признать "прием" своим единственным "героем"» – эта якобсоновская цитата полностью воспроизведена в [Виноградов 1959: 16–17].

В самом деле, метод Виноградова заключался именно в том, чтобы «на всякий случай хватать все и вся» – то есть максимально учитывать контекст, в котором находится опи-

сываемое явление, возможно, в ущерб описанию самого этого явления. Безусловно, Якобсон в 1921 году не мог знать о позднейших работах Виноградова, он имел в виду не конкретных исследователей, а исследовательский подход. Но Виноградов без труда мог узнать в этой пародии собственный стиль оперирования с (языковым) материалом.

Сами по себе характеристики описания (анализ – синтез, учет контекста – абстрагирование от контекста, замкнутость – открытость) не могут считаться ни верными, ни ошибочными. Правильность (адекватность) описания определяется тем, насколько верно применяются эти принципы. Однако, несмотря на декларируемую теорией конгруэнтность всех правильных описаний, они могут оказаться не сопоставимыми. Так, модели синтеза – анализа, описывая один и тот же объект, могут приписать ему различные характеристики. Именно поэтому в лингвистике адекватным может считаться лишь множество описаний объекта. Полная сводимость может иметь место только при описании однозначно определяемых понятий и структур. Если же объектом описания оказывается такой объект, как поэтическая речь, то он сам определяется описывающей его теорией и вне ее просто не мыслим. Способ описания формирует объект, и стилистическое отличие между в содержательном отношении близкими друг другу концепциями оказывается непреодолимым – по крайней мере, для их создателей.

Подобная судьба была уготована концепциям поэтического языка/речи Якобсона и Виноградова. Ставшую в 60-е годы доминирующей концепцию Якобсона Виноградов оценивает отрицательно, он сводит ее к повторению идей, с которыми он полемизировал еще в 20-е годы: «В настоящее время едва ли может кого-либо удовлетворить такое определение поэтической функции языка, содержащееся в... работе проф. Р.О. Якобсона "Лингвистика и поэтика" и восходящее к теории так называемого русского формализма 20-х годов текущего столетия: "Установка на сообщение, как таковое, сосредоточение на сообщении ради него самого – это и есть поэтическая функция языка"» [Виноградов 1963: 130]. Этому Виноградов противопоставляет свое понимание поэтической функции – как надстраиваемой над коммуникативной новой знаковой системы – «Поэтическая функция языка опирается на коммуникативную, исходит из нее, но воздвигает над ней подчиненный эстетическим, а также социально-историческим закономерностям искусства новый мир речевых смыслов и соотношений» [Виноградов 1963: 155]. Виноградов подчеркивает приоритет эстетических характеристик, но при этом стремится описать «эстетическое» как (по крайней мере, в том числе и как) внутриязыковую категорию, как «максимальное и целесообразное использование всех качеств языка», то есть скорее как полную актуализацию потенций языковой системы. Но ведь именно Якобсон, и именно в работе «Новейшая русская поэзия», с которой постоянно полемизирует Виноградов, и продолжением которой он справедливо считал и позднейшие труды Якобсона, предлагает: «Поэзия, которая есть не что иное, как высказывание с установкой на выражение, управляется имманентными законами; функция коммуникативная, присущая как языку практическому, так и языку эмоциональному, здесь сводится к минимуму... Поэзия есть оформление самоценного, "самовитого", как говорил Хлебников, слова. Поэзия есть язык в его эстетической функции» [Якобсон 1921: 11].

Казалось, было бы естественным продолжить это определение Якобсона словами Виноградова: «Поэтическая речь – категория эстетическая и историческая. Во всех своих исторических трансформациях, определяемых разными социальными условиями, разными эпохами, она сохраняет одну и ту же основу или сущность, состоящую в максимальном и целесообразном использовании всех качеств языка и речи на всех структурных уровнях в эстетическом аспекте. Это фонические, метрические, ритмические, мелодические, фонеморфологические, синтакстические, лексико-семантические, фразеологические, композиционно-динамические, образные и другие свойства и элементы эстетически организованной и направленной речи. Их применение должно быть гармонически согласовано с "планом содержания" и, воплощая его, составлять с ним внутреннее единство. В сущности, поэтическое – это идеал словесно-художественного совершенства, определяющий эстетическую оценку произведений современного литературного искусства» [Виноградов 1963: 207].

Если не обращать внимание на стиль изложения, Виноградов высказывает достаточно близкие к концепции Якобсона (напомним: «Поэзия есть язык в его эстетической

функции») мысли, в основе которых единое понимание поэзии как «максимальной и целесообразной» актуализации языковой системы. Отрицая позднейшую версию концепции Jakobsona, как ранее отрицал и исходную, Виноградов, в качестве позитивного ответа, воспроизводит основной тезис Jakobsona в его ранней редакции.

Между тем сам Jakobson в дальнейшем отказывается от термина «эстетическая функция», – поскольку он создает лишь иллюзию объяснения – ибо требуется определить, а в чем заключается и как проявляется «эстетическая функция» в языке. Это, как верно отмечал и В.В. Виноградов, и, в аналогичной связи и Ю.М. Лотман (см. ниже), неизбежно предполагает приоритетное рассмотрение внелингвистических факторов. Для Виноградова, в отличие от Jakobsona, это не представляло проблемы – он вовсе не чувствовал себя скованным необходимостью придерживаться при объяснении лингвистических явлений рамками собственно лингвистических теорий и фактов, более того – использовать лежащий вне сферы лингвистики понятийный аппарат было для него привычным явлением. И это при том, что Виноградов не только прекрасно помнил вышеприведенную цитату из работы Jakobsona 1921 года – более того, именно ее он пространно воспроизвел в своем труде [Виноградов 1959: 12–13]. Но – и это наиболее показательно – воспроизвел без наиболее близкого Виноградову заключающего предложения – о том что «поэзия есть язык в эстетической функции». В самом деле: воспроизведи ее полностью – и с чем же тогда бы полемизировать?

Эта полемика навеивает ассоциации с Борхесовским сюжетом о ересиархах. И Jakobson, и Виноградов сохранили верность своим ранним формулировкам, и в начале 60-х напомнили о них. Но – в несколько измененном виде. И это изменение позволило увидеть то общее, что не было столь заметно ранее. Парадоксально, но, полемизируя и со статьей 1921 г., и с последними публикациями Jakobsona, Виноградов повторяет то, что уже было сказано у Jakobsona. Но, конечно, за одними и теми же словами «об эстетической функции», стоят не просто разные точки зрения, а различия куда более значительные: стили мышления. Ведь, и это явствует даже из приведенной цитаты, «эстетическое» Jakobson и Виноградов понимали по-разному.

Еще раз обратимся к уже приведенной оценке Виноградовым в то время только что вышедшей статьи Jakobsona «Лингвистика и поэтика»: «В настоящее время едва ли может кого-либо удовлетворить такое определение поэтической функции языка, содержащееся в... работе проф. Р.О. Jakobsona "Лингвистика и поэтика"...» [Виноградов 1963: 130]. И зададимся вопросом: а как следует понимать дейктическое выражение «в настоящее время»? Думаем, что, говоря «в настоящее время», Виноградов, конечно же, имеет в виду не столько конец 50-х – начало 60-х, – именно тогда теория языковых функций Jakobsona и его определение поэтической функции только-только начинает победное шествие по учебникам и хрестоматиям языкознания. По крайней мере, только через 15–20 лет выяснится, что она «удовлетворяет не всех». Но, конечно же, отсылка «в настоящее время» обращена не столько к будущему, сколько к прошедшему – нам кажется, что правильной перифразой выражения «в настоящее время», видимо, будет «в отличие от 20-х годов». Ставшую в начале 60-х своего рода лингвистическим «бестселлером» статью Jakobsona Виноградов явно оценил как воспроизведение его концепции 20-х годов. Поэтому появление новой статьи Jakobsona оказывается для Виноградова поводом прервать молчание и начать дискуссию с того момента, когда эта дискуссия была прервана. И, полемизируя со статьей, опубликованной в 1960 г., он тем не менее обращается к статье 20-х и не замечает (или не хочет замечать) весьма значительных различий.

Это не только, согласно устоявшейся точке зрения, перерастание формализма в структурализм. Это и, используя выражение Бахтина, изменение «социально-идеологического» контекста. В 20–30-е годы в своей полемике с формальной школой и, в особенности, с формалистом Jakobsonом, Виноградов опирался на те направления, которые в той или иной мере возникли как реакция на младограмматизм: не только на еще не ставшее структурализмом соссюрианство, но и на исходящие из совершенно иных посылок неофилологию, крочеанство, неогумбольдтианство – то есть то, что принято объединять как эстетическое направление и что сегодня частично возрождается как когнитивная или же дискурс-лингвистика. В 60-е он сохраняет верность тем же «эстетиче-

ским» идеям, но при их воспроизведении цитирует уже не «лингвистических идеалистов», а «проверенных» советских «антиструктуралистов» и «антисемиотиков», в основном литературоведов, весьма далеких от адекватного понимания лингвистических процессов. Разумеется, собственные воззрения Виноградова – вовсе не плод его учебы у современников, а отцензурированное воспроизведение его же работ 20–30 годов³. И, по иронии тогдашних правил игры, он вынужден ссылаться на работы, которые весьма далекие от совершенства «симулякры» его взглядов 20–30 годов.

Между тем, именно в стане структурно-семиотическом В.В. Виноградов мог найти близкие ему идеи, хотя оформленные скорее в «Якобсоновском» стиле. Так, примерно в те же годы формалистскую теорию поэтического языка как неудовлетворительную оценивает и Ю.М. Лотман, но при этом опираясь на структурализм: «Одно из основных положений формальной школы состоит в том, что эстетическая функция реализуется тогда, когда текст замкнут на себя, функционирование определено установкой на выражение и, следовательно, если в нехудожественном тексте вперед выступает вопрос "что", то эстетическая функция реализуется при установке на "как". Поэтому план выражения становится некоторой имманентной сферой, получающей самостоятельную культурную ценность. Новейшие семиотические исследования приводят к прямо противоположным выводам. Эстетически функционирующий текст выступает как текст повышенной, а не пониженной, по отношению к нехудожественным текстам, семантической нагрузки. Он значит больше, а не меньше, чем обычная речь... Текст предстает перед ним дважды (как минимум) зашифрованным. ... Прикладывая к художественному произведению целую иерархию дополнительных кодов: общеэпохальных, жанровых, стилевых, функционирующих в пределах всего национального коллектива или узкой группы, мы получаем в одном и том же тексте самые разнообразные наборы значимых элементов и, следовательно, сложную иерархию дополнительных по отношению к нехудожественному тексту пластов значений. Таким образом, формальная школа сделала, бесспорно, верное наблюдение о том, что в художественно функционирующих текстах внимание оказывается часто приковано к тем элементам, которые в иных случаях воспринимаются автоматически и сознанием не фиксируются. Однако объяснение ему было сделано ошибочное. Художественное функционирование порождает не текст, "очищенный" от значений, а напротив, текст, максимально перегруженный значениями» [Лотман 1992: 203–204].

Как видим, Ю.М. Лотман выдвигает положения, которые, безусловно, были весьма близки В.В. Виноградову и даже могут показаться лингвистически более строгой структуралистской «перифразой» его идей. Но близость между концепциями может быть не замечена, если способы их артикуляции относятся к стилистически различным парадигмам. Полемика в 20-х гг. между В.В. Виноградовым, Р.О. Якобсоном и (незаслуженно

³ Примечательно, что постоянные ссылки Виноградова на идеологические и социально-исторические факторы не помешали его давнему оппоненту М.М. Бахтину проникательно увидеть воспроизведение того же неприемлемого для школы Бахтина лингвистического метода. Как отмечают авторы примечаний к написанным в 1959–1961 гг. заметкам М.М. Бахтина «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках» (С.С. Аверинцев, С.Г. Бочаров), «одним из стимулов для настоящих заметок, несомненно, послужила книга В.В. Виноградова "О языке художественной литературы" (М., 1959), реакции на положения этой книги рассеяны в заметках (критика понятия "образ автора", выдвинутого в книге Виноградова, тезиса о приближении средств изображения к предмету изображения как признаке реализма); замечание о привнесении "контрабандным путем" в ходе лингвистического анализа литературного произведения того, что "из чисто лингвистического анализа не вытекает", также относится к Виноградову и перекликается с критикой его лингвистической поэтики в статье (Волошинов 1930)» [Бахтин 1979: 402]. Сам Бахтин отмечает: «Недопустимы такие трансформации (имеются в виду трансформации языков, диалектов, стилей в "мировоззрения". – С.З.), когда, с одной стороны, декларируется внеидеологичность языка как лингвистической системы (его внеличностность), а с другой, – контрабандой вводится социально-идеологическая характеристика языков и стилей (отчасти у Виноградова)» [Бахтин 1979: 298].

упомянутым лишь попутно) М.М. Бахтиным не привела к диалогу, в ходе которого могли быть найдены точки соприкосновения и обеспечено развитие концепции. Конечно же, трудно представить условия, более худшие для организации диалога – между эмигрантом Якобсоном, ссыльными Виноградовым и Бахтиным, но и через 30 лет, когда та же проблематика вновь становится актуальной, и Виноградов (относительно Якобсона), и Бахтин (относительно Виноградова) не заметили (или не захотели выразить) существенное изменение и расширение лингвистической проблематики и методологии. Они предпочли повторить, несколько модифицировав, свои прежние возражения, нежели прислушаться друг к другу. Как это нередко бывает, «свои своих не познаша». И высказанная нами мысль о содержательной близости концепций Виноградова и Якобсона (пусть даже при акцентировании принципиального отличия их концептуального стиля), вероятно, удостоилась бы со стороны Виноградова отповеди. Примерно такой: «В этой связи хотелось бы рассеять одно невольное заблуждение, в которое впал В.П. Григорьев в статье "О задачах лингвистической поэтики", стремясь сблизить точку зрения проф. Р. Якобсона с моей... По мнению В.П. Григорьева, модель и гипотеза проф. Р. Якобсона этой точке зрения не противоречит. Между тем, это не так. В формуле проф. Р. Якобсона нет и намека на язык словесного искусства, как форму творческого познания мира. В связи с этим поэзия опустошается от общественного содержания и выводится за пределы общей истории искусства как истории социологически дифференцированной смены художественных структур» [Виноградов 1971: 27–28].

Как видим, и здесь Виноградов стремится максимально расширить контекст рассмотрения – вплоть до «общей истории искусства». Между тем, как пытался показать В.П. Григорьев [Григорьев 1966], расширение должно происходить, но не за счет расширения внелингвистического контекста, а путем расширенного понимания языка и его функций. Именно этот «объединяющий» подход В.П. Григорьева, многочисленные встречи с ним и обсуждения, его замечания и уточнения, помогли нам предложить следующую реинтерпретацию: «Поэтический язык может рассматриваться как внутреннее расширение естественного языка... Поэтическая функция не противопоставляется другим, а рассматривается как их модальное расширение и осложнение» [Золян 1991: 283]; «...поэтическая функция – не столько направленность на обслуживание некоторого звена коммуникативной цепи, сколько последовательная и всеобъемлющая трансформация языка, осуществляемая в различных направлениях» [Золян 1996: 647]. Эти формулировки мы имели честь и счастье обсудить с Виктором Петровичем Григорьевым и получить его принципиальное одобрение: как приемлемый синтез имеющихся подходов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин 1979 – М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Виноградов 1922 – В.В. Виноградов. Рец. на: Р. Якобсон. Новейшая русская поэзия. Набросок первый. 1921 г. Прага // Библиографические листы русского библиологического общества. Пг., 1922 (цит. по [Виноградов 1976: 463–464]).
- Виноградов 1959 – В.В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., 1959.
- Виноградов 1963 – В.В. Виноградов. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
- Виноградов 1971 – В.В. Виноградов. О теории художественной речи. М., 1971.
- Виноградов 1976 – В.В. Виноградов. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976.
- Волошинов 1930 – В. Волошинов. О границах поэтики и лингвистики // Сб. статей: В борьбе за марксизм в литературной науке. Л., 1930.
- Григорьев 1966 – В.П. Григорьев. О задачах лингвистической поэтики // ИАН СЛЯ. 1966. Т. 25.
- Золян 1991 – С.Т. Золян. Семантика и структура поэтического текста. Ереван, 1991.
- Золян 1996 – С.Т. Золян. Языковые функции: возможные расширения модели Р. Якобсона // Сб. статей: Роман Якобсон. Тексты, документы, исследования. М., 1996.
- Лотман 1992 – Ю.М. Лотман. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Ю.М. Лотман. Избранные статьи в трех томах. Т. I: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин, 1992.
- Якобсон 1921 – Р. Якобсон. Новейшая русская поэзия. Набросок первый. Прага, 1921.